

Глава 7

ОБЩЕСТВО ГАЛЛА-ОРОМО XVI ВЕКА

В записях Бахрея, эфиопского монаха конца XVI в., о народе галла есть чрезвычайно любопытные слова: «И нет у них царя-господина, как у других народов, но управляют ими *луба* восемь лет. А через восемь лет ставят они других *луба* и смещают прежних, и так поступают они все время. А *луба* означает — обрезанные в одно время» (глава IV).

В моих поисках корней «права трех братьев» эти фразы Бахрея, да и многое из его «Истории галла», сыграли исключительно важную роль. Обнаружилась более или менее развернутая запись действовавшей структуры общества, которая была «организована» по принципу деления на возрастные группы — на группы, которые, по моим теоретическим выводам, могли обозначаться групповым (классификационным) термином родства. Более того, время состояния в каждом возрастном статусе — восемь лет — идеально совпало с тем, которое я приблизительно вычислил на основании суахилийских терминов родства. Бахрей записал только два термина родства: «отцы» и «сыновья», как соотношение между теми (той группой «обрезанных одновременно», т. е. возрастной группой), кто выходит из социально активной фазы жизни («оставляют свои имена», как говорит Бахрей), достигнув 48-летнего возраста, и теми (той группой), кто получает имена, т. е. входят в социально активную фазу в возрасте восьми лет. Но, по сути дела, это была только другая форма записи тех же соотношений групп, какие вытекали из классификационной терминологии родства. Только вместо групповых «родственных» терминов Бахрей привел традиционные для галла имена возрастных групп. Таким образом, получалось, что если учесть последовательность этих имен и их парную связанность — отцы и сыновья (с диапазоном в возрасте — 40 лет), создавалась та же картина, которая обнаружилась при соответствующем (т. е. без физиологического происхождения) взгляде на групповую терминологию родства суахили. Но по материалам Бахрея, на первый взгляд, строго можно было говорить только о группах мужчин (отцов и сыновей). Другая трудность была в том, что Бахрей слово *луба* употреблял в двух значениях — как обозначение группы обрезанных в одно время и как наименование тех, кто «управляет», т. е. как термин, обозначающий последний в социально-активной фазе жизни возрастной статус, длящийся восемь лет.

Данные им имена возрастных групп галла можно сгруппировать таким образом (см. рис. 27).

Рис. 27

Вот его слова: «...обрезанные тогда, когда началось завоевание Бали, называются Мельбах, а имени отца их я не знаю <...> А вторые *луба* назывались Мудана, а имя отцов их Джэбана <...> А третьи *луба* называются Килеле <...> Четвертые *луба* называются Бифоле <...> А пятые *луба* называются Мэсле...» (главы V–IX). «И те пять *луба* <...> правили сорок лет и не обрезали своих детей, а жили, бросая необрезанных сыновей и дочерей, ибо таков их закон» (глава X). «И после пяти *луба* были обрезаны дети Мельбаха, и назвали их Хармуфа <...> А спустя восемь лет сместили Хармуфа и поставили Робале, детей Мудана <...> А спустя восемь лет поставили Бирмадже, сыны Килеле <...> И за тем сместили Бирмадже и поставили Мульата, детей Бифоле <...> А после того как была написана эта книга, пошел седьмой год поставления Мульата, сына Бифоле, а потом должно быть обрезание и поставление детей Мэсле» (главы XI–XIII, XV, XVIII).

Выделение этих строк из сплошного текста, где довольно пространно говорится о набегах галла на Эфиопию, отчетливо показывает, что Бахрей путался в собранном им материале об обычаях галла. Он, вроде бы, и различает две социальные «процедуры» — «обрезание», т. е. организацию очередной возрастной группы, и «поставление», т. е. смену одной «правлящей» группы (переход во внесоциальное состояние — «оставление имени») другой группой, достигшей 40-летнего возраста, но сбивается в своем повествовании. Так, о *луба* Мельбах Бахрей говорит как об «обрезанных» в то время, когда «началось завоевание Бали», т. е. как о 8-летних, организованных в возрастную группу. И, далее, об остальных четырех *луба* — последовательно через каждые восемь лет «обрезавшихся». Но, видимо, под словом «обрезание» скрываются два разных обряда: один — организация возрастной группы, и другой — переход некоей другой группы в возраст социального полноправия. Очевидно, обряды проводились одновременно, а возможно, что в то же время старшая группа (48 лет) «оставляла свое имя», т. е. выходила во внесоциальное состояние. Таким образом, получалось, что у галла XVI века каждые восемь лет совершался сложный обряд дискретного перемещения возрастных групп в следующий для каждой социальный статус, по которому одна новая группа входила в систему и одна выходила из системы.

Слова Бахрея: «И те пять *луба* правили сорок лет», — не могут относиться к им же перечисленным *луба*, поскольку возраста в 40 лет из них за

пять отрезков времени по 8 лет достигла только *луба* Мельбах. «Бросать (т. е. подвергать процедуре обрезания) необрезанными» могли только члены *луба* Мельбах, Мудана, Килеле, т. е. те, кому больше 24 лет. Здесь, видимо, Бахрей, как и этнографы-европейцы в более поздние времена, никак не может уйти от представления, что отношение «отцы — сыновья» у галла не включали понятие физиологического порождения одних другими. Ему, как и европейцам-этнографам, было непонятно, что за отмеченное время (40 лет) из физиологических детей *луба* Мельбах, Мудана, Килеле были созданы три новых *луба*, которые не могли считаться «детьми» даже *луба* Мельбах. Далее, «путаница» повторяется: «И после пяти *луба* были обрезаны дети Мельбаха, и назвали их Хармуфа <...> А спустя восемь лет сместили Хармуфа...». Получается, что 8-летних «детей» Мельбаха, т. е. Хармуфа, «сместили», и вместо них поставили 8-летних детей Мудана — Робале, и т. д. Если же считать, что под словом «обрезание» Бахрей имел в виду признание совершеннолетия, т. е. достижение возраста 24 лет (три возрастных статуса по 8 лет), то «обрезать» «сыновей» Мельбах следовало не через 40 лет, а через 24 года. Назвать же «обрезанием» выход из системы Бахрей не мог, он дал ему другое название — «оставление имени». Таким образом, получается, что Бахрей сначала имел в виду имена тех *луба*, которые были «поставлены» в его время и раньше, т. е. Мульата («...пошел седьмой год поставления Мульата...»), Бирмадже, Робале, Хармуфа.

Ситуация складывается довольно сложная, поскольку Бахрей «спрессовал» две группы различных сведений: о правилах «верстания» возрастных групп под термином «обрезание», и о норме выхода из системы, где для него главным было не «оставление имени», а смена одной группы высшего социального авторитета (у него — «правление») другою, достигшей 40 лет. Усугубляет сложность и то, что для *лубы* Робале Бахрей привел не только имя *лубы* их «отцов», но и имя *лубы* «дедов» — Джебана. Последнее обстоятельство, казалось бы, подводило к выводу о том, что в возрастной системе галла каждой группе «изобретали» новое имя. Среди этнографов даже появилось предположение о существовании «циклических» (т. е. повторяющихся через определенное время) и «линейных» (т. е. идущих без повтора) именам возрастных групп. Однако, у многих этносов восточной Африки существовало правило «наследования» групповых имен, некогда записанное Демпвольфом (он эти имена называл «тотемическими», такие же имена в Западной Африке называются «тотемными» или «лесными»). Правило заключалось в следующем: «мужчина получает главное имя от отца и передает его сыну, второе получает от матери и не передает никому; женщина главное имя получает от матери и передает дочери, а второе получает от отца и никому не передает». Здесь я «переставил акценты» — группа мужчин (возрастная) получает имя «отцов» (возрастной группы «отцов») и передаст его той же (возрастной) группе «детей»; второе имя —

имя их «матерей» (возрастной группы), его не передают», то же самое и о возрастной группе женщин, только наоборот. У суахили хотя уже и не было возрастных групп и групповых имен, правило «избрания» имени сохранялось: мужчине одно имя, *джина ля баба*, дает отец, другое, *джина ля мджомба*, дает *мджомба* — брат матери (т. е. через мужчину от матери); женщине одно имя, *джина ля мама*, дает мать, другое, *джина ля шанга*, она получает от отца через женщину, сестру отца, *шангази* или *сенгази*. Например, имя писателя Шабан Роберт: одна часть — «мусульманское имя» (мать его была мусульманка), другая часть — «христианское имя» (отец был христиан). Так появилась необходимость в двух сопоставлениях: с одной стороны, было любопытно сопоставить приведенные Бахреем имена *луба* — возрастных групп галла — с системой групповых терминов родства суахили, а с другой стороны, эти же имена сопоставить с восточноафриканской традицией «наследования имени» (см. рис. 28).

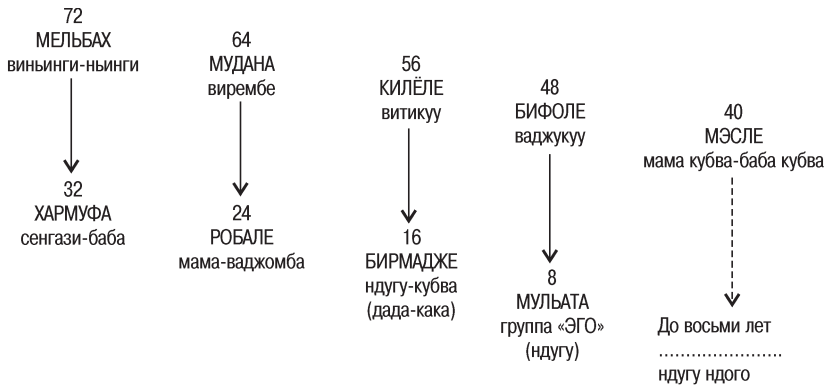

Рис. 28

В результате получилось полное совпадение. Если у предков суахили некогда возрастная группа, женщины которой именовались термином *мама кубва*, а мужчины — *баба кубва*, готовили к вступительному обряду группы своих «социальных детей», то, например, у галла при жизни Бахрея группа с именем МЭСЛЕ делала то же самое. У галла группа БИФОЛЕ после 48 лет вышла во внесоциальное состояние, организовав в обществе группу МУЛЬАТА, у суахили группа «родственников» ВА-джукуу (организаторы «детей» — группа «эго») — последние из старших, чей термин родства имеет формант социально-активного именного класса ВА, следующий термин уже с формантом ВИ, класса «вещей». Это также может означать выход в 48 лет во внесоциальное состояние.

Это совпадение двух различных способов обозначения возрастных групп навело меня на мысль о том, что материалом о структуре общества галла Бахрею послужила «мнемоника», т. е. крайне сжатое изложение порядка следования имен возрастных групп, системы несомненно «циклической»

и, возможно, — имен и «отцовских», и «материнских». Могло быть и так, что имена эти давались не сразу, а при вступлении в систему и при вступлении в совершеннолетие. Какое из имен — отцовское или материнское — давалось первым, при организации новой возрастной группы, из схемы сопоставления выводилось довольно просто.

Естественно, что имена старшего «колена» (Мельбах, Мудана, Килёле, Бифоле и Мэсле) — имена «отцов», и получают их вторыми, а первыми при организации новой возрастной группы были имена «матерей», т. е. Хармуфа, Робале, Бирмадже, Мульта. Среди имен младшего «колена» нет пятого. Так возник сложный вопрос: «Должно ли оно быть?». Теоретически ответ на него крылся в другом вопросе, который касался не столько групповых имен галла, сколько правила «наследования» имен от матери и от отца в Восточной Африке у бантуязычных народов. Правило означало, что внуки, отцы, деды и т. д. должны были иметь одно и то же «отцовское» имя, но «материнские» были разные. Аналогично, внуки, матери, бабки и т. д. имели одно и то же «материнское» имя, а «отцовские» были разными. Подобная ситуация с групповыми именами могла быть необходимой только в том случае, когда возрастные группы верстались раздельно по полу и число мужских групп отличалось от числа женских на единицу. Судя по словам Бахрея: «...А когда обрезали их, то сыновей воспитывали, а дочерей бросали на два или три года после обрезания», — галла формировали женскую группу отдельно от мужской и в другое время, ибо его выражение «бросали» можно понять, как и в сообщении об обрезании мужчин, в том смысле, что «не подвергли обряду». Из этого можно заключить, что будущие «дети» Мэсле должны были получить как первое («материнское») имя снова Хармуфа, т. е. снова первое в ряду четырех «материнских» имен.

Так получилась вторая схема (см. рис. 29).

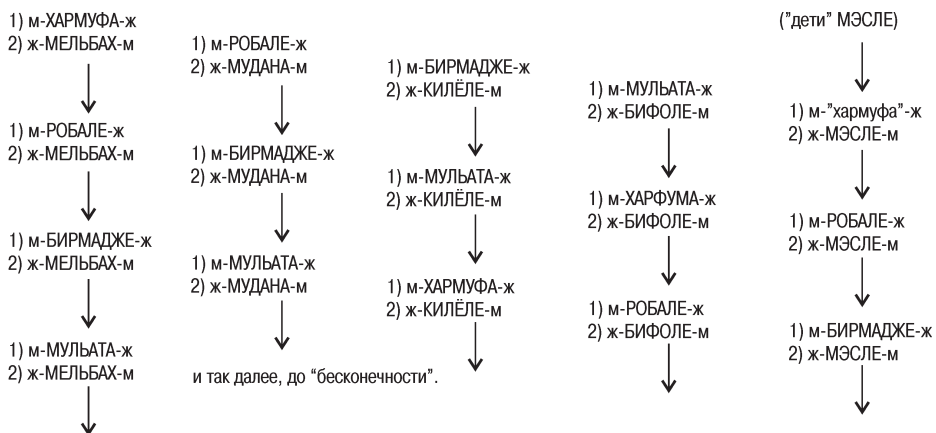

Рис. 29

Эту таблицу можно изобразить в ином виде, т. е. оставив только главные имена (те, которые по полу передают потомкам) для мужчин и для женщин (см. рис. 30).

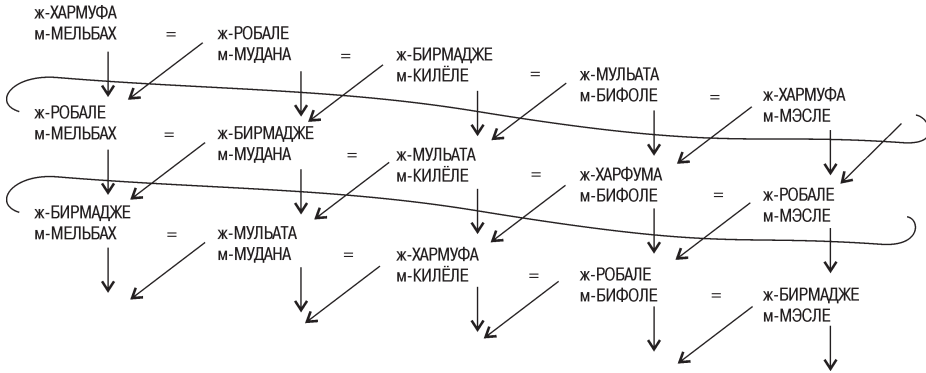

Рис. 30

Эта схема «цепочки» возрастных групп за 120 лет (три колена), и на ней отчетливо видно, как «наследуются» социальными потомками главные имена по полу. Совершенно ясно, что каждой группе необходимо два имени (это не требуется, если число групп мужчин и женщин одинаково в пределах цикла имен, т. е. в колене). Нетрудно заметить, что данная схема «ориентирована» на главные, т. е. «отцовские», имена мужчин; соответственно их числу получилось пять колонок, где в каждой повторяется одно и то же имя у «сыновей», «отцов» и «дедов». Одновременно понятно, почему каждая группа должна иметь два имени: «материнские» имена (главные для женщин) не одни и те же в колонках, но во всех случаях — это имена «матерей». Например, в младшем колене средней колонки главное имя мужчин — КИЛЁЛЕ, оно же у их «отцов» и «дедов», но их второе по значению (главное для «сестер» их группы) — ХАРМУФА, имя их «матерей», т. е. женщин из группы на один статус (8 лет) моложе группы их «отцов». Кстати, становится понятным, как строятся жестко направленные браки (те самые, которые позже, когда возрастная система разрушается, называют предпочитаемыми).

Можно эту же схему построить с ориентировкой на «материнские» имена; в таком варианте колонок будет четыре, и по колонкам будут повторяться одни и те же имена «дочерей», «матерей» и «бабок».

Разумеется, материал Бахрея можно понять и иначе, т. е. счесть, что все приведенные им групповые имена — мужские («отцовские»), что они одинаковы и для мужчин, и для женщин. Тогда придется считать, что в цикле их имен — 10, назвали 9, одно имя (еще необрезанных «детей» Мэсле) не названо, и одно «лишнее» (Джебана, имя «отцов» Мудана), которое, возможно, и есть имя «детей» Мэсле. Ясно, что в таком случае каждое

колено из пяти возрастных групп обладает своим набором имен, которые чередуются через колено. Именно такое понимание данных Бахрея прежде всего приходит в голову, когда пытаешься понять, какая система лежала в основе его записей. Но затем начинает смущать «лишнее» имя ДЖЕБА-НА — кажется, что система имен не циклична, что каждый раз придумывали новое имя — для новой возрастной группы. И только мысль о явной бессмысленной «расточительности» общественной памяти заставляла меня думать иначе, искать в сообщениях Бахрея и в прочих материалах некую сжатость, рациональность и простоту, своеобразную удобность для хранения в человеческой памяти.

Говоря иначе, я искал структуру мнемонического характера, где бы сложные понятия имели внешнюю простоту и максимальную краткость. Примером такой мнемоники для меня всегда была схема терминов родства турано-ганованского типа (т. е. классификационного характера), та самая, которую более сотни лет этнографы понимали как систему, «расширенно» (т. е. включая родственников по крови и по браку) описывающую все возможные родственные связи эго-индивида. Сжатость этой мнемоники (в таком ее понимании) была воистину потрясающей, десятком терминов при желании можно было «доказать», что пятью-шестью веками ранее все существовавшее тогда человечество было кровными родственниками этого эго-индивида. И, тем не менее, это действительно была превосходная мнемоника. Достаточно было только отрешиться от привычного представления, что под ее групповыми терминами подразумевались родственники по физиологическому происхождению, и понять, что для доклассового общества важно было не происхождение одного индивида от двух других, а физические и умственные возможности каждого человека в зависимости от его возраста. Понять, что единственная родная мать и родной отец, родные брат и сестра и т. д. — есть понятия не изначальные, а являющиеся порождением развития права частной индивидуальной собственности, своеобразной «частной собственностью» на кровных родственников. Так получилось, что нашлась еще одна столь же сжатая и краткая мнемоника структуры архаического общества, но выраженная не в терминах группового родства, а при помощи системы групповых имен, присваиваемых возрастным группам, организуемым вне зависимости от физиологического происхождения.

В суахилийской традиции групповые имена не сохранились. Отчасти это было следствием развития классовых отношений, отчасти — распространения мусульманской религии. В этнографических работах о других бантуязычных этносах Восточной Африки встречаются записи так называемых тотемических, или тайных, имен, но записаны они бессистемно и без связи с терминологией родства. Из таких записей невозможно извлечь ничего, кроме факта их существования. Здесь сказалось странное обыкно-

вание этнографов фиксировать разные аспекты социальных отношений в исследуемом обществе как самостоятельные, ничем не связанные «институты». Но со временем все же обнаружилась одна «системная» запись имен у васукума. Подана она как «родословная» некоего мсукума по имени МХИНДИ, отцом которого был тоже МХИНДИ, а матерью — МУГОРО.

Вот вся схема (рис. 31).

мужья	их жены		мужья	их жены
прапрадед	Мхинди=Мухета	родня матери «эго»	прапрадед	Минза=Мукула
прадед	Мхинди=Мусумо		прадед	Мкуну=Минза
дед	Мхинди=Мукарио		дед	Мугоро=Мкуну
отец	Мхинди=Мугоро			
«эго»-м	Мхинди		мать «эго»	Мугоро

Рис. 31

Первая половина этой мнемоники совершенно четкая — даны пять «поколений» одного мужского («отцовского») главного имени МХИНДИ и четыре главных («материнских») имени их жен. В соответствии с правилом «наследования» тотемических имен, записанным Демпвольфом, полное имя «эго»-м будет МУГОРО-Мхинди, поскольку его отец МХИНДИ, а мать МУГОРО. Полное имя его отца будет МУКАРИ-Мхинди, деда — МУСУМО-Мхинди, прадеда — МУХЕТА-Мхинди, а имя прапрадеда совпадет с именем «эго»-м, т. е. будет МУГОРО-Мхинди.

Ясно, что совпадут по имени и их жены, т. е. женою «эго»-м должна стать МУХЕТА. Не так уж и трудно было понять, что в мнемонике только четыре «женских» имени и пять «мужских», а во второй ее половине, кроме МУГОРО, нет ни одного «женского» имени. Более того, отец матери «эго»-м не может по «мужскому» имени быть МУГОРО, — это «женское» имя матери, матери «эго»-м. Остальные имена: МИНЗА, МУКУЛА и МКУНУ — «мужские». Вместе с именем МХИНДИ их только четыре, пятое «мужское» имя не названо, но оно существовало. Если бы их было, как и «женских», четыре, то все «поколения» мужчин МХИНДИ имели бы жен с одним и тем же именем, например, МУХЕТА — смещение имен не происходило бы вследствие их «парности».

Теперь эту мнемонику можно развернуть в полную таблицу «мужских» и «женских» групповых имен предков васукума (см. рис. 32).

Согласно мнемоники, схема ориентирована на «мужские» («отцовские») имена, и потому они одни и те же в каждом вертикальном «столбе». Два первых «столба» полностью повторяют первую часть мнемоники — «мужское» имя МХИНДИ в пяти «поколениях» и «женские» (для них главные) имена их жен. Чтобы понять, какие мужские «родственники» по линии матери «эго» были важны для него, следовало построить частичную схему, включающую только те «мужские» имена, которые приведены во второй части мнемоники (см. рис. 33).

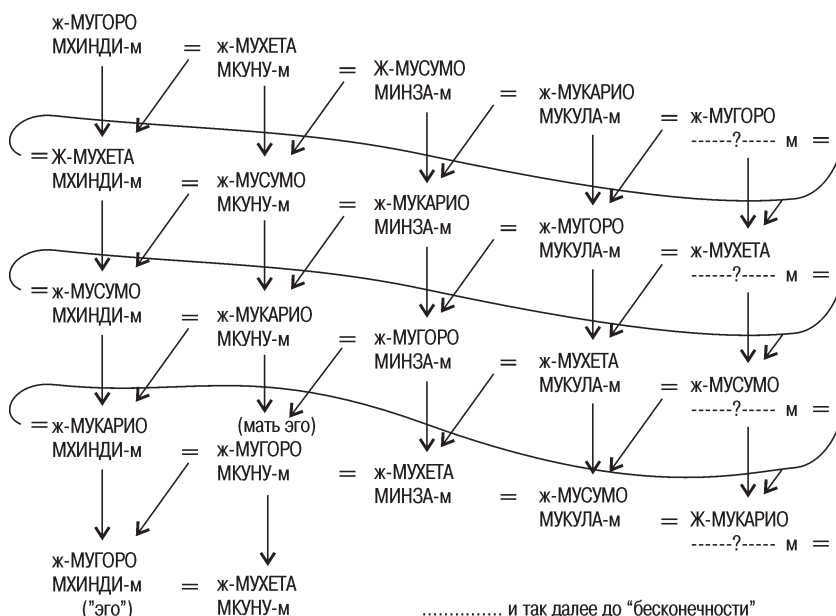

Рис. 32

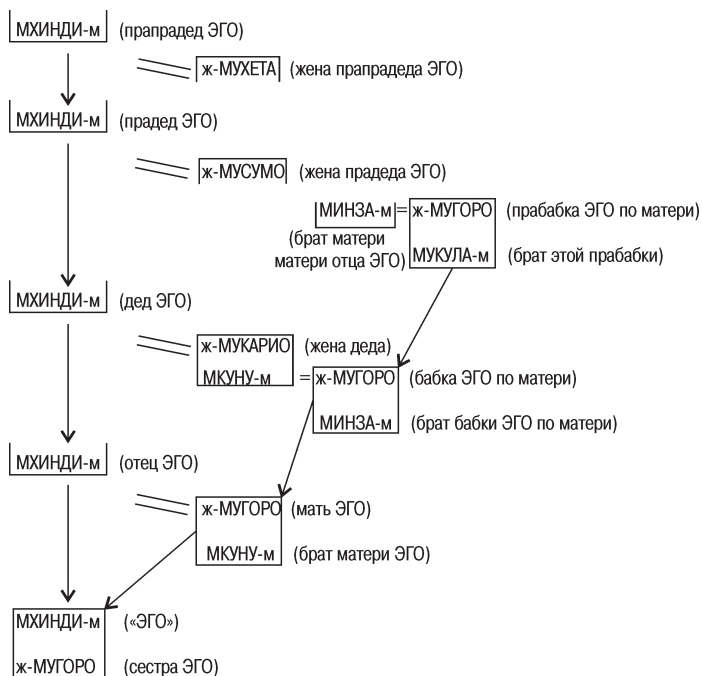

Рис. 33

Из этой, частичной, схемы со всей очевидностью вытекает, что для мужчины (в данной мнемонике МХИНДИ-м) в любом «колене» важнейшим мужским «родственником» является «брат матери» (вот и ответ на «загадочный вопрос» этнографии — по какой причине «брат матери» считается очень важным родственником). Так, во второй части мнемоники два имени: МУГОРО — имя матери эго, и МКУНУ — имя ее брата (точнее — это два имени взаимно главные и вторые для мужчин и женщин той возрастной группы, к которой относится «мать» эго). Выше еще два имени: МКУНУ и МИНЗА. Первое — это имя брата матери отца эго, второе — имя брата матери матери эго (имя брата бабки эго по матери). В верхней строчке еще два имени, МИНЗА и МУКУЛА. МИНЗА — это брат матери брата матери отца эго, МУКУЛА — имя брата матери матери матери эго (брат прабабки эго по матери). Разумеется, все использованные здесь термины родства — групповые, т. е. передающие не физиологическое происхождение индивидов, а «родственные» соотношения возрастных групп. Групповые имена в мнемонике (МХИНДИ и др.) даны в формах ед. ч. с формантом «М-», поскольку была записана «частная» мнемоника (своеобразная «родословная») некоего индивида с именем МХИНДИ. По нормам языков банту, если бы запись была «внешней», имена возрастных групп имели бы формант ВА- (как, например, в этническом названии васукума: мужчина и женщина по отдельности мсукума, а вместе — васукума). Но я, строя таблицу, не стал менять слова, принципиально это ничего бы не изменило.

Для иллюстрации одинаковости возрастной структуры у галла XVI века и предков бантуязычных васукума можно записать их полную мнемонику такой же таблицей, какая вытекала из бахреевской мнемоники галла (см. рис. 34).

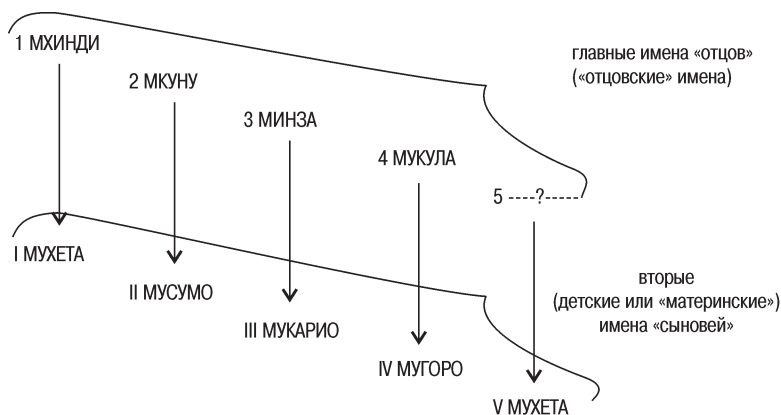

Рис. 34

В отличие от мнемоники Бахрея, выяснить пятое «мужское» имя васукума нет возможности, поскольку для «эго» МХИНДИ-м по линии «матери» оно расположено в пятом колене предков, а женская мнемоника учитывает только четыре колена. Другим «неизвестным» в мнемонике васукума оказывается число лет, за которые верстается возрастная группа. Предположительно их должно быть также восемь, как и у галла, исходя из числа «мужских» групповых имен, т. е. если считать активную фазу жизни мужчины в 40 лет. В таком случае между «эго» МХИНДИ-м и его «прапрадедом» МХИНДИ-м располагался промежуток времени 200 лет (40×5).

Это вовсе не должно значить, что каждый мсукума помнил своих предков, просто так была составлена (или выработана традицией) социальная мнемоника, дававшая любому человеку при помощи группового (двойного) имени определить «родственные» отношения с представителями других возрастных групп своего колена и колена предков. Здесь, как и у галла, система не учитывала физиологического происхождения одного индивида от двух других, а только соотношение возраста вступающих в активную фазу жизни и выходящих во внесоциальное состояние («дети» и «предки», с диапазоном в 40 лет).

«Мужские» и «женские» (или «отцовские» и «материнские») линии наследуемых групповых (тотемических или «тайных») имен не имели ничего общего с кочующими из книги в книгу уже более 100 лет (со времени Моргана) отцовским и материнским счетом родства (физиологического), а были просто двумя «координатами» каждого человека (в составе его возрастной группы), определяющими его место в социальной структуре и все изменения его обязанностей и прав.

Это можно показать, построив схему васукума с ориентацией на «женские» имена (см. рис. 35).

Из такой схемы видно, что если бы информантом была женщина, например, «сестра» того же МХИНДИ-м с главным для нее «материнским» именем МУГОРО, то устная ее мнемоника выглядела бы иначе, чем та, которую сообщил мужчина МХИНДИ. Вероятно, она назвала бы четыре имени МУГОРО (матери, бабки, прабабки и прапрабабки) или только три, а также имена их мужей (Мхинди, Мкуну, Минза и Мукула) и имя сестры отца — МУКАРИО (одно и то же для всех колен ее женских предков). Если бы она сообщила и имя своего мужа, было бы известно и пятое «мужское» имя (— ? — м).

Учитывать не только в мнемониках, но и в любом этнографическом материале пол и социальный возраст информанта — очень существенно, вследствие того, что любая информация на одну и ту же тему (с точки зрения европейца-этнографа) будет сильно различаться. Абстрактное понятие «человек» существует в каждом языке, но в социально-правовом

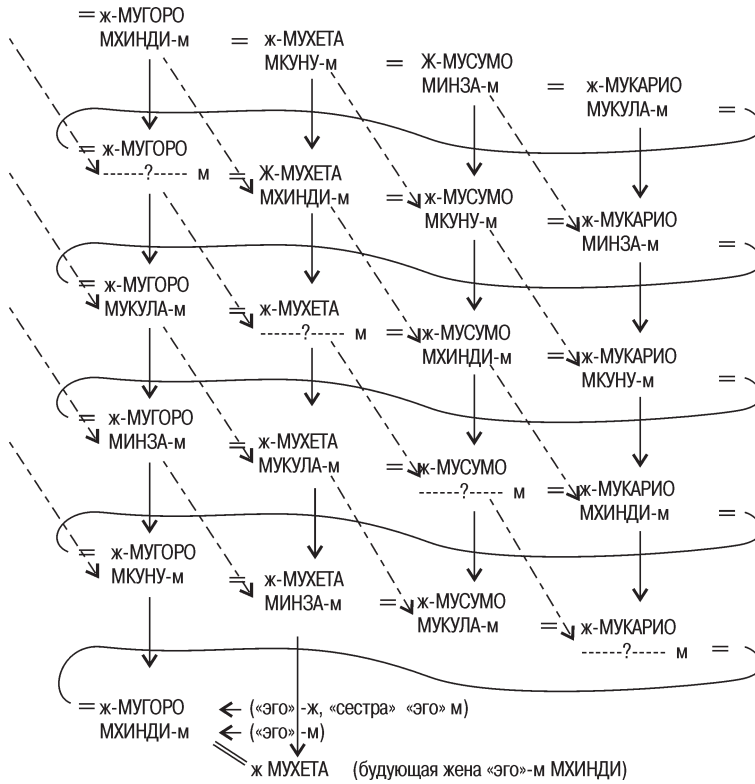

Рис. 35

смысле, даже в культурной европейской традиции, оно появилось совсем недавно и еще не охватило всех сторон действительности (в политической жизни сохранились «цензы» и по полу, и по возрасту). По этой причине я давно привык к тому, что весь материал, приводимый в той или иной этнографической (или исторической) работе, необходимо подвергать внимательному анализу на предмет выяснения пола и социального положения информантов. Что не всегда просто и требует много времени и поисков «зацепки», но это столь же необходимый принцип исследования, как и поиски «акцента», который бы не отражал современного понятия. Последняя частная схема по мнемонике васукума нужна для отчетливой демонстрации одинаковости нормы передачи групповых имен у галла, васукума и предков суахили (т. е. того времени, когда у них еще была пятиступенчатая возрастная система регулирования социальной действительности) (см. рис. 36).

Эта однозначность дает основание утверждать, что у суахили до появления трехступенчатой системы, отражающей «право трех братьев-ндугу» на титул верховного военного вождя-мфальме, такого «права» и такой «персоны» не было, как не было его, согласно сведениям Бахрея, и у галла XVI века.

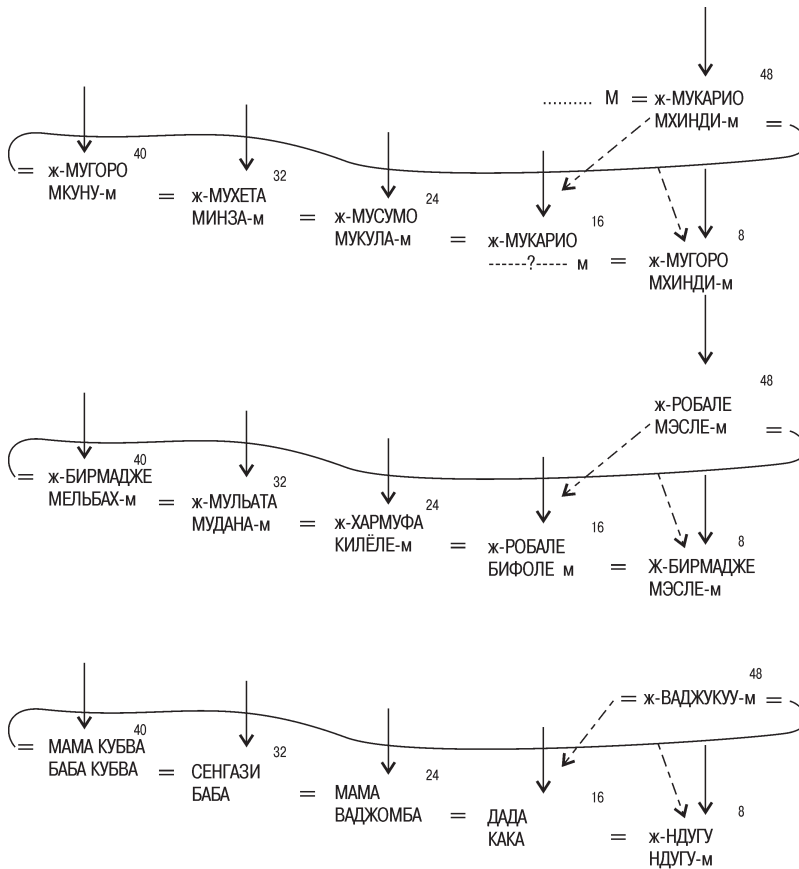

Рис. 36

Был ли верховный вождь у молодежных отрядов васукума? В этнографических сочинениях по Восточной Экваториальной Африке за колониальный период собран большой материал и по терминологии родства и по терминам социальной структуры, есть также и упоминания о «вождях». Собираемыми были либо христианские миссионеры, либо специальные колониальные чиновники — «правительственные антропологи». Последние действовали по специальной программе, имея перед собой цель — собрать материал для создания из «местной традиции» особого звена в системе управления колониями — «аппарат туземных властей», который должен был «автоматически» сохранять неизменным уровень социального развития и при этом обеспечивать экономическую эксплуатацию аборигенов колоний. Сбор материалов как попы, так и чиновники вели в соответствии с анкетами-вопросниками (так можно судить по структурам изданных книг и систематизации в них сведений), которые составлялись на пересечении преследуемых интересов, догм официальной этнографии и «здорового смысла», т. е. в соответствии с европейскими представлениями о физиоло-

гическом родстве, индивидуальном праве собственности, власти, о делении родственных отношений на родство по крови и свойство по браку и т. п.

Картина получилась внешне будто бы и стройная (социальные институты, системы связей, типологии признаков, квалификация уровней), но на самом деле сумбурная, соответствовавшая больше желаемому, чем реальности, «здоровому смыслу», нежели естественно развившейся архаической сложности, еще не достигшей той степени абстракции и индивидуализации, которая свойственна европейскому обществу. Так, например, в раздел «терминология родства» шли не только основные термины с групповым значением, но и индивидуальные различные термины-обращения или обозначения, без различия условий и обстоятельств употребления, без различия пола и возраста того, кто их использовал или к кому они относились. Видимо, действовал принцип — «чем больше, тем лучше». Но нет худа без добра. Среди этого скопища терминов и интерпретаций соотношений оказался один весьма забавный термин родства: дочь сестры мужчины называется *мкима ва бате*, т. е. дословно — ‘жена вождей’. Слово, переводимое в словарях как «вождь» — *мтеми* (мн. ч. *батемии* или *ватемии*) происходит от глагольной основы *ку-тема*, основное значение которой — ‘срезать или срубать кустарник, расчищая землю под посев, после сезона дождей’. Таким образом, получается, что вождь-*мтеми* — это тот, кто руководит молодежью во время положенных по возрасту занятий, где важнейшее место занимала расчистка хозяйственных угодий. Любая «дочь», если сохраняется действие возрастной системы, получала право-обязанность на брак при переходе из II возрастного статуса в III (т. е. в возрасте около 16 лет), и мужем ее становился тот, кто перешел из III статуса в IV (т. е. достигнув 24 лет). Из этого следовало только одно — вождь-*мтеми* (или вожди, руководители молодежи в разных занятиях) избирался в 24 года и оставался таковым до 32 лет, до перехода его возрастной группы из IV статуса в V.

Под началом вождя-*мтеми* находились, таким образом, юноши от 16 до 24 лет и дети от 8 до 16 лет, и больше никто. Такую «персону» этнографы обычно именуют «вождем племени», поэтому либо термин «племя» следует соотносить только с неженатой молодежью, либо вообще отказаться от терминов «племя» и «вождь племени». Поскольку *мтеми* (и аналогичные «вожди») существуют в системе, где возраст определял социальный ранг человека, их ранг ни в каком смысле не мог быть выше тех, кто старше. Именно непонимание этого принципа социальных отношений в архаическом обществе, вкупе с упрощенным взглядом на происхождение государства вследствие «завоевания», без развития экономической базы, имущественного расслоения и классовообразования, было причиной полной несостоятельности искусственно созданных «туземных властей», да и всей системы косвенного управления колониями.

Что же касается «властей» традиционных у материковых этносов Восточной Африки, то к ним также можно отнести слова Бахрея: «не было у них царя-господина, кто бы приказывал им», и «управляли», т. е. организовывали все необходимые ритуалы и обряды, являвшиеся внешней констатацией течения социальной и экономической действительности, такие же *луба*, т. е. мужчины и женщины возрастного статуса 32–40 и 40–48 лет. И ни с какой стороны это «управление» нельзя назвать «властью». Бахрей, эфиопский монах XVI-го века, понимал это, но вот специалисты-этнографы XX в. упорно это не желают понять, и появляются странные термины: «потестарное племя», «вождества» и пр., долженствующие эволюционно заполнить «промежуток» между структурой доклассового общества и государством. И все это — не более как примитивно понятое сложнейшее и противоречивое состояние общества в так называемый «переходный период», состоящий из суммы разнородных и разновременных диалектических перерывов постепенности, множество которых есть следствие множества аспектов структуры и жизни общества последней стадии первичной формации. Главное же недоразумение, видимо, происходит вследствие трудности осознать, что люди доклассового общества жили и действовали без приказов, повелений и новых законов, исходящих от «специального» лица или лиц. Жили по традиции, казавшейся им «вечной и неизменной» (но объективно менявшейся, как и все сущее), которую они «впитывали» в себя буквально от рождения до смерти. И в этой традиции не было привычного нам понятия «власти» (т. е. чьего-то волеизъявления), где «приказание» и даже «предсказание» было только сообщением или напоминанием того, что полагалось делать в то или иное время. Даже юноши, исполняя ту или иную работу, отправляясь в охотничью экспедицию или военный поход, подчинялись велению традиции, а не «вождю», который был нужен им не для «волеизъявления», а для «удачи», для лучшего результата их дела.

Этнографы, а особенно историки, из всех сведений о деятельности молодежных отрядов выделяют их военные походы, с особым старанием прослеживают маршруты этих походов, совершенно забывая, что они же выполняют особо трудоемкие работы, требующие массовой молодой силы. Если спросить таких ученых: «Кто же строил надежные и весьма протяженные плотины и дамбы, рыл каналы и водоемы в долинах древних цивилизаций Востока?» — получишь один ответ: рабы и принужденные свободные общинники. Может быть, позже, в конце существования этих цивилизаций, это так и было — но не в начале, когда только складывалось поливное земледелие.

Возникает другой вопрос: «Почему после так называемого «завоевания» каким-либо «царем» значительной части или всей долины вдруг резко возрастала и продуктивность хозяйства, и результативность иной деятель-

ности?» Вряд ли это можно объяснить возникновением «твердой власти», т. е. счесть следствием «волеизъявления». Чтобы поднять урожайность, нужен был не приказ «повелителя», а улучшение и расширение ирригационных сооружений и объединение их под одной властью. Практически это выражалось в появлении огромного отряда молодежи, силы единой и мобильной, способной в нужный момент и в короткий срок выполнить необходимую работу. Эта же сила была способна успешно отразить нападение соседей-кочевников, угнать их скот, увести пленных, чтобы увеличить свои возможности в выполнении традиционных хозяйственных работ. Вот в связи с этими «пленными» и появился зародыш того представления о «власти» и «волеизъявлении», которое свойственно нашей современности. Причина появления — чье-то превосходство в силе и умении воевать. Победители вольны перебить побежденных; вольны, если это необходимо, увести с собой и заставить трудиться вместе с собой (а не вместо себя, как это нередко считается). И волеизъявление здесь не индивидуальное, а коллективное, поскольку сила у коллектива, а точнее — у молодежных отрядов возрастного статуса «воина». Расхожее современное представление о власти как о волеизъявлении индивида появилось не так уж давно, оно — всего лишь «облегченное» отражение в сознании людей некоторых сторон реализации права индивидуальной частной собственности буржуазного общества. Модель проста: индивид имеет капитал, он желает создать предприятие, он «волеизъявляет», т. е. приобретает или арендует землю, покупает материалы и нанимает строителей, покупает оборудование и сырье, нанимает специалистов и рабочих, получает продукт, реализует его и т. д. Эта модель отражается так: человек имеет «волю», которая помогает ему «найти» капитал и создать предприятие, где он осуществляет «власть». При этом понятие «воли» («волевая личность»), «власти» («властная натура»), воспринимаются как нечто присущее этому индивиду чуть ли не от рождения, как некая особая форма «частной собственности», как «талант», хотя все доступное ему «волеизъявление» полностью зависит от размера его капитала, а «властен» он только нанять или уволить рабочих.

Многие науки в своем современном оформлении начали свое развитие одновременно с развитием буржуазного общества Европы (в том числе и история, и этнография). Получилось так, что ученые того времени незаметно для самих себя, «инстинктивно», привнесли это расхожее представление об индивидуальной воле и власти в свои исследования ранней политической истории и в этнографические описания. И оно упорно держится там до сих пор, искажая понимание собранных сведений. Не только древним «царям», но и жившим и действовавшим на глазах у европейцев-первопроходцев приписывались многочисленные акции индивидуального «волеизъявления», «властность» и «власть», способность «создавать» государства на «завоеванной территории», «объединять племена» и т. д. И все

это независимо от уровня социального и экономического развития «покоренных племен». Кратковременность существования таких «империй» обычно объясняют либо недостаточной энергичностью преемника «завоевателя», либо центробежными устремлениями «мелких» вождей, и только иногда — неготовностью общества к существованию в облике государства.

Между тем, от самого прославленного вождя, к которому примкнуло много других отрядов молодежи (со своими вождями), до такой «персоны», какими были *мфальме* суахилийских городов с их классово-сословным обществом, «дистанция огромного размера». Разумеется, военный вождь, будучи неотъемлемой принадлежностью отряда воинов-юношей, делил с ними и коллективную волю, и коллективную власть. Но потребовалось множество изменений в социальной организации для того, чтобы значительная доля всего этого сконцентрировалась на его «персоне» и стала касаться не только юношей, но и старших. Есть и другая сторона в развитии этого социального явления. Юноши-воины, как и любой странствующий индивид, во время похода или в иной экспедиции, согласно архаическое традиции, имели древнее право получать некоторые пищевые продукты (из того, что невозможно добыть охотой) и кое-что из других вещей. Это была традиционная добровольная дань взрослого населения (не обязательно своего этноса — да и отряд мог быть смешанный) для успешного прохождения трудной подготовки к жизни взрослого человека. Следует полагать, что длительное время содержание и размеры этой дани определяла традиция, но такая дань могла быть потребована и на «враждебной» территории. Ее могли дать, а могли и отказать. «Дань», которую взяли силой, самими обстоятельствами ее получения вряд ли ограничивалась традиционной нормой по размеру и содержанию, здесь тоже проявлялась коллективная власть. Если подобные ситуации повторялись, то их привычность создавала у юношей-воинов некоторое нежелание переходить, по окончании статусного времени, к обычным хозяйственным делам взрослых. Но так просто традиционные порядки не меняются. Тем не менее, возможность получения «увеличенной дани» все же многое меняет: появляется стремление как можно чаще собирать ее на территории «чужих» этносов, отказ или сопротивление с их стороны превращает такие походы в набег с целью грабежа, т. е. порождает традицию войны. Но наиболее важное обстоятельство заключается в том, что таким образом складываются некие новые отношения — «дань» по договору, как «плата за воздержание от грабежа» (возможно, что так появлялись самые первые «политические» отношения).

Нетрудно понять, что во всех подобных обстоятельствах проявлялась не власть вождя, а власть отряда воинов-юношей, и она заставляла вождя «вести» их туда, где предполагалась добыча или «дань». Вождь мог полу-

чить широкую известность (или, по-русски, «славу»), если каждый поход оказывался удачным, если территория, с которой воины получали «дань», становилась обширной (такая территория в русской речи именовалась «волостью»). Но если неудачи следовали одна за другой, считалось, что этот вождь утратил «магическую возможность» приносить победу, и его убивали, избирая другого. Сделать это было не так сложно — ведь «правом» вождя обладал не индивид, а каждая конкретная возрастная группа статуса 24–32 года. То есть сам этот возрастной статус — «статус вождей», как это следует, например, из курьезного термина родства — «жена вождей» (*мки-ма ва батем*) для обозначения «дочери». Если же срок статуса подходил к концу, то «старого» вождя «смещали», а новый избирался уже из числа бывших юношей-воинов, которые переходили к «обычной» деятельности и женились. Получается так, что сами бывшие юноши-воины, даже если они переходили в следующий возрастной статус и не очень охотно, не могли быть заинтересованы в сохранении за их бывшим вождем этого поста еще на срок следующего статуса (т. е. 32–40). В таком продолжении могли нуждаться либо новые юноши (статус 16–24) либо весь этнос, если результаты сохранения «дани» или набегов (или иной труд воинов) давали материальную выгоду и этносу. Особо большая «магическая возможность» некоторых вождей, рано или поздно, создала «социальный прецедент» продления пребывания на этом посту, что ритуально оформлялось как «возврат» его возраста к началу статуса вождей. Практически в архаическом обществе это можно было сделать, повторив ритуал брака, т. е. дать этому вождю вторую жену из числа «сестер»-сверстниц следующей группы юношей-воинов. Эту процедуру с одним человеком можно было совершить дважды, т. е. особо выдающийся военный вождь мог получить три жены по мере достижения ими 16-летнего возраста, но самому ему через 8 лет после третьего брака становилось 48 лет, и он выходил во внесоциальное состояние, как и любой другой член этноса. Выходит, что мыслимый максимальный срок пребывания военного вождя молодежи на таком посту мог быть равен времени трех возрастных статусов: 24–32, 32–40 и 40–48, т. е. 24 годам.

Ясно, что «связанность» такого вождя со всем этносом была большей, чем у обычного вождя, и она была в какой-то мере и экономически обоснована реальным возрастом, но весьма сомнительно, чтобы длительность пребывания в этой роли могла сама по себе увеличить его «долю» в коллективной власти воинов или распространить эту «долю» на остальной этнос. Ведь архаический, т. е. доклассовый, этнос не нуждался в силе (т. е. власти) для сохранения классового «равновесия» (иначе — для подавления угнетенных классов). Что же до подвластных соседних этносов, то их эксплуатация — сбор увеличенной дани — скоро становился обычным, т. е. входил в традицию или терялся. В первом варианте «подвластные» этносы и этнос-«властитель» сливались в более обширный этнос, т. к. все переда-

вали своих юношей выдающемуся (своей «магической силой») великому вождю на выучку. А во втором варианте юноши «отложившегося» этноса выбирали своего вождя, и под его «магической сенью» оказывались способными оградить свой этнос от «дани». Подвластные территории («волости»), сколько бы они ни существовали в качестве данников, не становились только от этого государствами, управляемыми «завоевателем». Необходимо было имущественное расслоение общества, его разделение на классы, что зависело не от сбора дани, а от такого развития экономической основы общества, которое давало бы значительный излишний продукт. Даже пленение юношами-воинами членов других этносов (т. е. возникновение «рабства») не создавало классового общества, поскольку с возрастом «рабов» объективно менялся их статус, и они либо входили в «поработивший» их этнос, либо уходили куда-либо, что зависело от того, где они обретут себе жен.

Следует, видимо, особо подчеркнуть, что не воля и власть (даже коллективные) создавали государства и классовые отношения в обществе, а складывались они вследствие успешного развития интенсивных форм хозяйства, вызывавших где медленное, где ускоренное разрушение возрастной организации общественной жизни и появление кровнородственных социальных организмов с их различием в родовой собственности. Это различие в родовой собственности на средства производства, углубляясь, создавало вражду кровных родов, отрывало молодежный возраст от древней традиции жизни до брака в общезначеских лагерях. Из той части молодежи, которая все еще соблюдала древний обычай (т. е. которой нечего было охранять, кроме родовой собственности), постепенно складывался особый слой населения — профессиональные воины, остававшиеся таковыми и после брака и, естественно, в таких обстоятельствах порождавших также сыновей-воинов. Эти воины со своими вождями уже не были этническим институтом, а представляли собой особую вариацию кровного рода (что было неизбежно на фоне развившихся кровнородственных отношений в остальном обществе), средством существования и процветания которого была война. Социальный слой профессиональных воинов был близок к обычному кровному роду, принципом кровного (от отца к сыновьям) наследования социального положения и рода занятий, но принцип его единства («братства») был ближе к древней возрастной традиции. Это было не содружество кровных родов, а содружество малых кровных семей, в то время как обычный кровный род (не теоретический, а реально имущий), по сути внутренних связей, представлял собой одну более или менее обширную и разветвленную кровнородственную большую семью, где возрастные характеристики подавлялись рангом близости к главному стволу — к прямой вертикальной линии, идущей от мифического предка или от реального «основателя» рода.

В таких социально-экономических обстоятельствах сливались интересы главных родов и вождей, профессиональных воинов, и власть постепенно концентрировалась на этих лицах. Иначе говоря, борьба имущих родов (в реальности — практически уже имущих семей) за расширение своих земельных владений в значительной мере опиралась на силу оружия воинского сословия. Воинское сословие, вследствие традиции своего происхождения, не стремилось к непосредственному обладанию земельной собственностью, но довольствовалось наличием подвластной территории, т. е. людей, занятых производительным трудом и обязанных, в силу своего зависимого положения, поставлять жизненные блага своим повелителям. В общих чертах, так складывались две формы «синьорий»: хозяйство главноимущих родов (опирающееся на традицию права «изначального» землевладения) и хозяйство начальника воинского отряда — «князя» с «дружиной», владевшее территорией на правах завоевателя.

Параллельно с развитием двух этих форм эксплуататорских хозяйств сложилась и третья форма — хозяйство служителей культа, социального слоя, который больше всего приложил усилий для того, чтобы власть приняла характер традиции индивидуального права. Создавая религию, т. е. идеологию разделяющегося на классы (в соответствии с имуществом) общества, он проповедовал иерархию подчинения, обосновывая ее структурой «высших сил», стремясь занять в реальной иерархии высшее место над всеми. Эта форма хозяйства всегда была наиболее сложной, ибо «духовные пастыри» готовы были владеть и землями, и рабами, и любым другим движимым и недвижимым имуществом. Но главные доходы их хозяйства были аналогичны доходам синьории «князей»-воителей. Это они для своего удобства создали традицию сбора «десятины» (десятой части годовичного результата главной деятельности производителя), а вследствие того, что «отцы духовные» почти всегда и всюду действовали рука об руку с воинским сословием, на плечи тех, кто трудился, ложились две «десятины»; одна — синьору, другая — «отцам духовным».

Не всегда и далеко не всюду, но уже с того времени, как началась эпоха классовых обществ, появился еще один вид сложного хозяйства, нередко вбиравший в себя все перечисленные формы. Это — хозяйство торгово-ремесленных центров, городов. Города имели земельные угодья, общие и частные; имели рабов, лично свободных производителей-ремесленников, бедных и богатых, с родовым или очень ранним индивидуальным правом собственности; торговый люд разных рангов и имущества; граждан и иноземцев со своими видами деятельности. В силу своего происхождения больше всего города заботились о торговых путях, об их протяженности и разветвленности, о безопасности торговцев на этих путях. Эти обстоятельства, как и сама сосредоточенность относительно большой массы людей на небольшой территории, требовала порядка. Города рано создавали до-

статочно стройную и действенную систему организации общественной жизни.

По происхождению торгово-ремесленные города аналогичны локальным поселениям земледельцев, но было и очень существенное отличие. Ранние города не возникали в центре этнической территории, для этого не было причин. Но вот на стыках этнических территорий таких причин было достаточно. Обычно как главную (и даже единственную) причину выделяют возможность взаимообмена продуктами различного типа хозяйств, но такое объяснение, хотя и очень понятное, страдает избыточным материализмом. Дополняющее его пояснение — наличие естественного пути (реки, удобные долины и пр.). Однако это предполагает либо изначальное стремление к торговле и выгоде, либо внезапность и случайность возникновения обменных операций, преследующих исключительно материальные цели. Ничего не меняет в этих представлениях и предположение о постепенном усложнении обменного процесса (от пресловутого «немного торгога» до красочных базаров восточных городов).

Мне всегда казалось, что прежде всего необходимо найти иную, лишённую «коммерческих» интересов, причину стечения время от времени представителей разных этносов в одно место. Такую причину найти очень непросто, тем более что специальная литература была преисполнена разнообразными утверждениями о межэтнической вражде, о противопоставлениях: «свои — чужие», «мы — не мы», и об иных «оппозициях». Этой разобщенности противопоставлялся только один, столь же «психологичный» фактор, некое стремление отдельных людей к «неизвестному», к дальним странам за горизонтом. Такое стремление действительно было, но появилось оно давно и имело материальную основу: развивавшемуся европейскому капитализму требовались новые рынки сбыта, сырьё для промышленности и максимально дешёвая рабочая сила, чтобы добыть это сырьё. Получалось, что я снова сталкивался с обычным переносом характеристики явлений современности (или недавнего прошлого) во времена и обстоятельства далекой древности. Необходимо было искать самому.

Некоторые намеки давали описания жизни галла XVI века, сделанные Бахреем, точнее, не сами описания, а связанные с ними рассуждения. Так, например, прежде чем отправиться в набег на сидамо (а сам набег был завершающим этапом ритуала возрастного перехода юношей в статус взрослых мужчин), они собирались в одном месте, где и определялось направление очередного набега. Можно с полной уверенностью считать, что это место было особым, «священным местом главных этнических ритуалов». Этнос галла во времена Бахрея был расчленён на две большие группы — Барайтума и Борана, которые делились на 18 более мелких, каждая из последних — ещё на несколько частей, распадавшихся на мелкие локальные, с общим стадом, единицы. В обычной жизни и мелкие, и более

крупные группы иногда враждовали друг с другом из-за пастбищ и водопоев, занимались только малопродуктивным отгонным скотоводством и говорили на нескольких диалектах одного языка, занимая довольно обширную засушливую территорию к юго-востоку от Эфиопского нагорья. Этот обычай — раз в восемь лет собираться вместе, оставляя распри, всем, кто способен владеть оружием, можно понять как след более тесного существования в каком-то отдаленном прошлом несомненно меньшего по численности этноса. Бахрей застал галла в порядочно расчлененном состоянии, но все же еще составляющем большое этническое «единство». Можно представить себе ситуацию более глубокого расхождения, когда отдельные группы становятся самостоятельными этносами, теряют память о былой общности, сильно расходятся в языковом отношении и приобретают отличия в материальной культуре и в роде занятий. Естественно, что общеритуальная роль некогда общего «священного центра» при этом исчезает, и каждый отдельный этнос обретает свой «ритуальный центр». Но старый (точнее, его место) мог сохранить некогда вторичный и малозначимый тогда аспект — стать местом межэтнического обмена, тем более, что пути к нему были проложены так давно, что казались существовавшими всегда. Такой процесс «выветривания» одного содержания и замена его другим мне представлялся более последовательным и реальным в рассуждениях о возникновении пунктов межэтнического обмена. Архаические этносы не были какими-то застывшими образованиями, они не имели четких границ (подобных современным государственным), поскольку не были политическими образованиями; даже языковые переходы долгое время оставались плавными. Этническая история в течение огромного времени первичной формации — это непрерывный процесс «сгущений» и «разряжений» сходства, близости реальных групп людей, и только тот «мгновенный снимок», которым является наше сегодняшнее представление о населении мира, дает статичную этно-языковую карту. Даже в исторически обозримое время из живой действительности исчезли многие языки и народы и появился целый ряд новых. Обычно вышедшие из живого употребления языки называют «мертвыми», а исчезнувшие народы — вымершими или ассимилированными другими. Здесь смешиваются несколько разных явлений и понятий. Редко в истории, если не считать предколониального истребления, какой-либо народ вымирал в полном значении слова, чаще менялось то название, которое ему давали соседи. Но больше всего этнонимической путаницы в науке создано вследствие обычкновения специалистов всех времен каждую чем-либо связанную группу людей, попадающую в поле зрения составителя записи, именовать племенем или народом, не интересуясь ни составом, ни характером связей. Далее такие записи начинали кочевать из книги в книгу, создавая массу ложных представлений, например, о «переселениях народов», хотя в реальности того времени «переселяться» могли только

неженатые мужчины, о внезапном «появлении» одних «племен» и столь же внезапном «исчезновении» других. И мне казалось, что упускают самое главное, на что ясно указывали эти путаные сведения — сеть тропинок, дорожек и торговых путей с глубочайшей древности покрывала заселенные пространства материков.

Первоначально все эти коммуникации могли иметь только два назначения: хозяйственное (по которым ходили в связи с повседневными делами) и ритуальное (по которым из разных мест собирались к «священным местам», где проводились общественные обряды). Логично, что, несмотря на периодичность использования, последние обладали, по сути, все большей устойчивостью и во времени, и в пространстве. Впоследствии именно их «ветви», сомкнувшись, дали начало продолжительным торговым дорогам, а на их перекрестках, в особо удобных и нужных местах, образовались «внеэтнические» поселения, обеспечивающие возможность длительных торговых странствий. Разумеется, не каждое из таких поселений обретало долголетие и становилось торговым городом; для этого, помимо устойчивости дальнего торгового пути, были необходимы и другие условия: относительная природная безопасность (на холме, на острове или полуострове, у слияния рек) от внезапного нападения, и «безопасность» особого рода, которую могла дать сохранившаяся у окружающего населения память о находившемся здесь или поблизости «священном месте» (менгиры, пещеры, естественные гигантские камни — как доказательство былой «святости» или «запретности»). Разрастаясь, город обзаводился своим постоянным населением, образующим особый этнос, во многом схожий с окружающими, главной чертой которого было ускоренное социальное развитие. Причин для этого было не менее двух: индивидуальная практика в основном занятии — в торговле, и неизбежное знакомство с разнообразными обычаями и вещами через посредство транзитного «населения», а также в результате собственных торговых странствий. В этносе торгового города социальное положение определялось не возрастом, не родством или благородством происхождения, а индивидуальным обладанием количеством торговых ценностей, которое давало индивидуальное право власти в торговых операциях. Но это право надо было охранять, и город рано создает законы, т. е. свод правил, касающихся индивида и его имущества в связи с хищением, порчей, убийством, членовредительством, с нарушением долговых обязательств и иных деловых договоров в связи с ценами и оплатой наемного труда, арендой помещений и животных и т. п. Для реальной действенности законов создается городское управление, т. е. устанавливается система должностных постов, наделяемых этносом города «законодательной» и «исполнительной» властью. Роль первых — знать и толковать законы, устанавливать статусы пребывания и деятельности «иноземцев»; роль вторых — следить за исполнением законов и установленных как горожанами, так и «иноземцами», опираясь на специальную воору-

женную силу. Власти торгового города — выборные, важнейшие должности — «парные», а существенные изменения законов решались собранием всех взрослых мужчин-горожан. Для торгового города естественно, что городские власти избирались из числа имущих, а его общество было всегда классовым. Более того, торговый (далее, торгово-ремесленный) город развивался всегда как государство, как политическое образование устойчивого классового общества с имущими слоями и неимущими трудящимися, с классовыми противоречиями и административным аппаратом для сохранения «классового равновесия», т. е. для охраны положения и имущества эксплуататоров.

Окружающие этносы, как правило, сильно отставали от города в социальном отношении. Но торговый город не мог существовать и процветать без торговых путей, а эти пути шли через территории окружающих этносов. Первоначально безопасность дорог гарантировала архаическая традиция, но когда поток людей и товаров усилился, и особенно когда странствующие торговцы стали совершать враждебные акции по отношению к местным жителям, эта гарантия ослабла и разрушилась. Торговцы стали составлять большие охраняемые караваны, но это не спасало их от нападений и разграблений в пути. Вооруженные силы, охранявшие порядок в городе, не могли в таких обстоятельствах обеспечить безопасность торговых дорог, и городские власти стали поступать согласно принятым в городе отношениям — они заключили личностный (деловой) договор с вождями молодежных отрядов об охране путей и торговых караванов, об охране порядка на периферии. Это давало городским властям право взимать плату с торговцев не только за торговые операции в самом городе, но и за проезд по «охраняемым городом» дорогам. Установить такие отношения с вождями особого труда не составило, так как в традиционные функции вождей и их отрядов еще со времени образования обменных межэтнических «рынков» входила доставка к ним предметов обмена. Следовательно, и после образования торгового города вожди со своими юношами часто появлялись в нем. Наиболее интересным в этих договорах было то, что каждая из сторон понимала его содержание по-своему, в соответствии со своими, уже весьма разными традициями и представлениями. Город считал, что он «арендовал» (нанимал) повелителя воинов для охраны «своих» дорог; отряд воинов видел в этом дань, которую город обязался выдавать за отказ от нападений на торговые караваны. Говоря иначе, каждая сторона считала себя «хозяином положения».

Такие договоры непосредственно на жизни окружающих этносов (т. е. на тех, кто занимался традиционным трудом полнозрелого населения) никак не отражались, но на характер деятельности молодежных отрядов влияли сильно. Прежде всего, разные отряды соперничали между собою. В этой борьбе, как и в иных обстоятельствах, намного скорее выделялись «великие» вожди, под «магической сенью» которых образовывались силь-

либо в сторону от «освоенной» территории, далее по торговым путям. Если эти походы шли в направлении «неосвоенной» отдаленной периферии, это только укрепляло торговые позиции города. Но бывало и так, что неудержимый поток многолюдного воинства, да еще «обраставший» по пути дополнительной силой, не только подчинял себе (т. е. делал данниками), но и разрушал, предав огню и разграблению, другие торговые города на главной торговой магистрали. Хотя жизнь и деятельность связанных торговыми отношениями городов всегда была «диалектична», т. е. включала в себя и взаимную обусловленность, и соперничество, столь «радикальный» результат «завоевателя» оборачивался катастрофой для его «родного» города. Более или менее протяженное звено торговой магистрали, обеспечивавшей процветание торгового города, да и сама его жизнь на длительное время оказывалась разрушенной. Цветущий город быстро хирел, жители покидали его «стены» (иногда «стены», т. е. укрепления в буквальном значении слова), постройки разрушались, улицы зарастали, и среди руин либо оставалась незначительная деревушка, либо лишь соседи-кочевники укрывали здесь своих овец от полуденного зноя. Умеренность «подвигов» воинства (а в представлениях исследователей, наших современников, «завоевательной политики царя имярек») была лучшим результатом соответствующей политики «отцов города», она увеличивала протяженность подконтрольной части торговой магистрали, подрывала престиж и богатство городов-соперников. Но одновременно таила в себе угрозу иного порядка — великий воитель и его победоносное воинство, вернувшись, с триумфом водворялись в самом «родном» городе полными его хозяевами. Такое положение дел обременяло город материально (надо было кормить и обеспечивать воинство и повелителя за счет городских доходов), а в политической действительности система городских властей отодвигалась на второй план, тем более, что повелитель, имевший право (от имени города) судить и рядить на торговых путях, распространял в сложившейся ситуации это право и на город.

Вот здесь мы имеем некоторое основание видеть прообраз того государства, которое представляем на основании современной или недавней «нашей» реальности. Но и в таком случае требуется значительная по смыслу поправка — государственная территория раннего государства с центром в торгово-ремесленном городе не аналогична современной государственной территории с ее границами, которые «размежевывают» ее с территориями других государств. Мало даже сказать, что первичные государства такого типа «граничили» с территориями догосударственных этносов — под контролем (т. е. под властью правителя города) находились, по сути дела, только узкие пространства, непосредственно примыкавшие к торговым путям. Устойчивость таких политических образований во времени, в значительной мере (не считая главного — устойчивости торговой магистрали)

зависела от политической изощренности «отцов города», поскольку правитель и его войнство не могли иметь навыка тонкого искусства управлять торговым и ремесленным людом, хотя и умели подавлять оружием проявления его недовольства. Слишком могущественный правитель мог довольно скоро привести свой город к разорению, а государство к упадку и исчезновению или завоеванию другим «повелителем». Такое завоевание сохраняло город, но ставило его в иную позицию, в число городов-данников. Реальные ситуации подобных отношений и обстоятельств были разнообразны во времени и в пространстве: иногда рядом с городом вырастал укрепленный замок «сеньора», претендовавшего и на власть над городом, а город обзаводился своими стенами и башнями; иногда такой замок поднимался в центре города, на холме древнего «священного места» или на соседнем холме, но мог быть и неукрепленный «княжий двор» или обширный квартал дворцовых построек. Но во всех вариантах «отцы города» и «правитель» пребывали в политической оппозиции, с одной стороны, и нуждались друг в друге — с другой. Общество города было классовым, и в нем, и в его округе была эксплуатируемая «масса», всегда готовая к возмущению, поскольку традицию ее прав эксплуататоры всегда были склонны ущемлять и нарушать, ибо классовое общество стабильно только при непрерывном увеличении отчуждаемого прибавочного продукта (прибавочной стоимости).

В истории развития города-государства, с самого его «основания», складывалась и третья, жизненно необходимая ему социально-политическая, и в известной мере, экономическая сила — служители культов, или «духовенство». Развитие классового общества немислимо без появления его идеологии — религии. По этой причине, как только появлялся имеющий тенденцию к дальнейшему развитию межэтнический торговый центр, оживала и особая роль полузабытого «священного места» далекого прошлого соседних племен. Но эта роль была уже другая, касающаяся не этно-социальных ритуалов, а обеспечивающая безопасность участников торговли, если встречались представители (т. е. юноши и их вожди) «враждующих племен».